

INSTITUTION

РОССИЯ

Published Semi-weekly by **NEWSPAPER ROSSIYA CO.**

Second Class Postage at New York, N. Y.

Subscription:

12 months — \$18.00; 6 months — \$9.50; 3 months — \$5.00.

ROSSIYA

Выходит по средам и пятницам.

Основана в 1932 г. при участии Н. П. Рыбанова † и при помощи Т. А. Рыбановой (†).

Узелки подвешены: 12 мес. — \$12.00; 6 мес. — \$9.50; 3 мес. — \$5.00

Vol. XXXVIII. № 8158 (608) Friday, September 25, 1970 ПЯТНИЦА, 25 СЕНТЯБРЯ 1970 г. Price 20 cents. 216 West 18 St., New York, 10011. Tel. 242-3438

И СМЕХ И СЛЕЗЫ

(Начало на 1-ой странице)

ется "на носу". Но автор или авторы этой передовой статьи забывают то, что было написано несколько дней тому назад и что написано и даже изображено в том же номере газеты. А написано было то, что главной целью посещения Президентом Никсоном юго-восточной Европы является свидание с президентом Югославии Тито и что в Югославии Президент проведет большую часть времени, уделенной на эту поездку. Посещение же Италии и Шестого Флота это только по дороге и между прочим. Если целью поездки является только участие на морских маневрах, так зачем Президенту ехать в Югославию, в коммунистическую страну, глава которой только что участвовал на конференции "присоединившихся" держав в Лусаке (Замбия), пришедшей ряд враждебных Соединенным Штатам резолюций.

Наконец, на первой странице недельного обозрения того же номера "Нью Йорк Таймс" от 20 сентября помещена остротная карикатура Ранана Дурье. На этой карикатуре изображен ринг для борьбы, на котором борющиеся боксеры (Нассер и Даян) разведены по углам, а Президент Никсон выступает в роли посредника, нос его раздут и переобшит пластырем, как и все лицо, одна штанина порвана, по его ногам бьют батареи ракет "Сам-2" и "Сам-3", которые выдвигает советский советник, спрятавшийся за спиной Насера, а вокруг его головы кружат похитители аэропланов и в это время на ринг лезут вторгнуться арабские партизаны и дальнейшие игрушечные советские военные советники, которых заводят сидищий на табуретке и неизменной никинх следов борьбы, которые украшают Никсона, — Косыгин. В это время король Гуссейн распался на ринге, голубь мира лежит сдохший вверх ногами, а Голда Меир с черной повязкой на глазу, замешивая от Даяна, одевает ролики для поездки за "покупками" оружия. Так ли изображают президента страны, который направляется в срочное путешествие для того, чтобы дать грозное предупреждение своим врагам?

А теперь обратимся к тому, что пишут советские газеты.

КООРДИНИРУЮТ ПЛАНЫ

(колонка комментатора)

С визитом в США прибыла премьер-министр Израиля Голда Меир. В пятницу она встретится с президентом Никсоном, чтобы выработать, как пишет "Нью Йорк Таймс", "совместную израильскую и

ШИГАЛЕВИЧНА И ПРОВИДЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО

(Продолжение)

"Нравственная сила человека, по словам И. А. Ильина, определяется его совестливостью и искренностью", а когда этого нет, то он может, по мысли Зинаиды Гиллиус превратиться в "чудовищный автомат или чертову кукулу". Почему это так? Да потому, что человек может прогрессировать в двух направлениях до бесконечности, а именно: или в направлении добра или в направлении зла. Не даром же Достоевский говорит, что: "Сердце человеческое — arena борьбы между Богом и дьяволом". И с грустью констатирует: "Мир же духовный, — высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью". И вот эти-то, одержимые доктринами и фанатизмом вроде Шигалева и яже с ним, имели определенную задачу, а именно: систематическую — обличительную пропаганду бесперерывно ронять значение местной власти, провозвести в селениях недоумки, зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего, и, наконец, действуя пожарами, вернуть страну в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние, и свергнуть, поддавшись дьявольскому навождению, собственную страну в бездну горя и унижения. Погубив страну и сами погибши, как те свиньи о которых говорится в Евангелии от Луки (Лк. 8, 32-7) Нередко внутреннее осуждение происходит от внешнего изобилия, а "качество рождается из муки"... говорил глубокомысленный чешский мистик Якоб Беме. И как-бы в подтверждение этой мысли, но,

конечно, независимо Достоевский говорит, что: "Только то и крепко, подо что кровь протечет. Только забыли негодию, что крепко-то оказывается не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он закон крови на земле". И вот мы видим, как говорит Б. Л. Бразоль, что "капские коммунизма, воздвигнутое архитектором разрушения" не выдержало, по крайней мере, в идеологическом отношении искусства времени. "Власть по самой своей природе демонична: она создает не духовную общину, а материальный коллектив, не Царство Божие, а коммунистический муравейник". Достоевский употребляет и другие эпитеты "нового общества", как: "курятник", "капитальный дом", "хрустальный дворец", которые ни все вместе, ни в отдельности не могут осласливать людей. Дальше он указывает и идею: "Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна, а именно - идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные "высшие" идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают..." Безумцы мечтают бороться с Богом, и в противлении Ему стараются усмотреть красоту и величие, но они не уразумели своевременно того, что бороться им приходится не только с Богом и людьми, но и с самим собою.

"Голос Божий, — продолжает митрополит Антоний, — заложен в душе человека помимо того, хочет ли последний ему повиноваться или нет. Ослушаться его может человек каждую минуту: это даже легче нежели постоянно ему

повиноваться, но постоянное преслушание сему голосу или преслушание наглое, нарушающее самые главные заповеди, делает человека не только врагом Божиим, но и врагом самого себя, и этот его враг неодолим. Как бы ни старался человек топить его в вине, сжигать его в пламени разврата, душить его жестокими злодеяниями: он не может его умертвить, и хотя может всетаки упорствовать и не подчиняться ему, но этим он только себя самого подвергает новым страданиям, получая от совести неуспаивающие угрызения и уколы". Вот эти-то угрызения и уколы совести и мешают тому, чтобы переменить личность на стадность.

Человек определяется тем, что он любит и как он любит. И даже "черта вносимая в выражение лица смехом, особенно существа для души смеющегося" — по Достоевскому.

В области самого дорогого для него вопроса — религиозного, Достоевский говорит: "Не надо ненавидеть атеистов, ибо среди них есть и добрые люди. Бунтующие против Христа часто бывают в душе Христовы, ибо высшего начала люди не имеют". Разделение интеллигенции с народом Достоевский вовсе не представляет как дело сознательно — злой воли со стороны первой. "У всех болит сердце, — говорит он, — о раздвоении общества и народа. Современные русские интеллигенты, — продолжает автор, — фельдфебели цивилизации, и презирают народ, будучи глухо уверены в непогрешимости форм европейской жизни, причем еще хвалятся вместо того, чтобы стыдиться, когда говорят: Я не понимаю России, я не понимаю религии". И этим незнанием бравировали. А что касается отношения интеллигенции к Церкви, то

для очень многих уже тогда: "религиозная слепота стала критерием просвещенности". И все же позная свой народ, образованный отщепенец должен "смириться", он должен как блудный сын, вернуться к народу и его вере. Тут важна решимость: идти на подвиг, а форму подвига подскажет тебе твое сердце. Дело не во внешнем опрошении, а в служении народу, чем мы можем, на любом поприще, — только никогда не говори, не оправдывая своего нерадения, будто правительство мешает тебе служить народу. А поприще это так широко, что и при стеснительных порядках можно успевать работать. Особенно деревня нуждается в обеспечении прав обывателя: Достоевский стоял за уравнивание прав для всех сословий и распространения грамотности и школьного образования. Он стоял за широкое просвещение народа. "Да, есть что делать на Руси образованному человеку", — говорит князь, Мишкин, возвратившийся в Россию после долговременной побывки за границей. Достоевский был того мнения, что женщинам должно быть предоставлено высшее образование. Вообще Д-кий — почтитель русской женщины: она менее живая и более трудолюбива, чем мужчины. Женщина в России настроена высоко, она жаждет серьезных бесед и разъяснения жизненных вопросов, и ей принадлежит спасение общества, и не только в семейной жизни, но и в широких кругах; ей прежде всего принадлежит самое обновление русской жизни.

Главное условие нашего писателя для воссоединения общества с народом и его верой основывается на неутраченной со стороны интеллигенции способности дружно проникнуться идеей бескорыстного подвига и в великие моменты

истории вдруг слиться с народом.

"В Европе путь нравственного объединения людей потерян, — пишет Д-кий, — потому что там все пути жизни не выходят пределы эгоизма лиц и сословий, а мы его не утратили, ибо вот мы и теперь, говорит он, идем на войну с турками, как на священную жертву. Значит, может русский интеллигент и смириться перед народом и его верой, и возвратиться к тому и другому, как блудный сын".

Представив себе такую картину, наш писатель восклицает: "О, какая бы сила была у нас, если-б интеллигенция духовно объединилась с народом!" Но, к сожалению, этого необходимого для блага народа и всего государства объединения не произошло, а тем временем Шигапалев, теоретик революционных программ, разрабатывая систему взаимного шпионажа во всех подробностях.

В программе Шигапалева предложено систематически развращать общество и юношество, подрывать религию, власть. Конечно, в такой обстановке ни о какой свободе, ни о справедливости, ни о просвещении не может быть и речи. Мало того, самое объединение или точнее сцепление рев. деятелей обеспечивается насильем, и притом самым ужасным — общим участием в каком-либо преступлении и страхом быть выданным уголовному суду. Участники революции заранее склеиваются чьею-либо пролитой кровью. По такому-то принципу был умышленен в "Бесах" расквашивший революционер Шатов.

Конечно, такую мрачную характеристику заслуживают у Д-го не все революционеры, а только те, которые знали что делали; большинство же их, набранные из зеленой

молодежи, в роде Эркеля, были честно заблуждающиеся идеалисты, о коих наш писатель выразился так: "юность русская чиста, и стремления ее (некоторых из них) к политическим беспорядкам исходят иногда из желания высшего благообразия. Однако эти элементы, быть может самые многочисленнее в революционных лагерях, так наивны, доверчивы и исполнены готовности к неосмысленному, фантастическому послушанию, что они не только не могут служить препятствием к грозящему людоедству, но дают возможность злым гениям революции, вроде Верховенского, самую-то революцию сделать кровавым средством для иных еще более отвратительных целей, как это и оправдывалось в современных событиях, а тогда тот-же Верховенский заявлял по секрету, что он хочет достигнуть через революцию диктатуры и олигархии, что не трудно, потому что революционное стадо оказывает слепое повиновение кучке вожаков. Деструктивная работа русских нигилистов и революционеров определялась совершенным незнанием России и Русского народа: их привычка руководиться чужим, заморским умом и самоуверенность свойственны не всегда."

Глухая гордость революционеров 60-х годов и их невежество поражали автора. Собираясь вместе, они толковали о делении России на мелкие государства, об упразднении в ней религии, об отдаче наших земель Польше до Днепра. Вот до чего может дойти опустошенная душа, душа лишленная живой веры в те самые ценности, которыми жил народ в целом.

(Окончание следует)

М. Т.

губернаторов, убивать из-за угла городовых, охраняющих общественный порядок. Вот несколько наиболее типичных представителей этой интеллигенции: Радичев, Каракозов, Герцен, Багров, Белинский — большевик 40-х годов, Нечаев, Чернышевский, Лавров, Добролюбов, Пестель, Савинов, Миллюков, Максим Горький, Керенский (Кирбис), Ленин, Гучков, Родзянко Державинский, Джугашвили и им подобные. Состав, как видите, сложный, — "всякий тварь по паре", а то и больше. Тут и "народовольцы", и "эсеры", и "кадеты", и "октябристы", и коммунисты, и прочая оловянная, ученая и просто оловянная чернь. Весь этот сброд работал в трогательном единении и по одному принципу: "А хоть бы и пес, лишь бы яшча нам нес"... Главное — долдой самодержавие!

Повторяю, этот сброд террористов, интернационалистов и дипломативных зубоскалов считал себя "подлинной интеллигенцией, передовыми людьми", тогда как Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Менделеев, Репин, Глинка, Лобачевский, Мечников, Чайковский, Достоевский, Ломоносов и многие другие корифеи русской литературы, искусства и науки для них были "мракобесы", "черноотенцы" и "апошество кнута"... Эти гении русской национальной культуры не удостоились быть занесенными в "синодик" интеллигенции!

Основными, смертными грехами этой, прости Господи, интеллигенции были: безбожие, гордыня, рабское подражание Западу и презрение к своему русскому, что все вместе взятое опять таки означало — "Долой самодержавие!"

Вместо того, чтобы упорно и терпеливо работать для исправления недостатков русской жизни, "интеллигенты" осудили на слом все настоящее во имя неизвестного "прекрасного будущего". Это "прекрасное будущее", обернувшееся горьким и кровавым настоящим, народы России испытывают в сызках, на стройках, в колхозах и концлагерях, а мы с вами — на своей беженской доле, на чужбине.

Как известно, с Радичева началась "генеральная линия" нашей интеллигенции, т. е. злое и извращенное русское действительности и клеветы на Русскую историю, на все национальное — прошлое и настоящее. Даже историки, следуя "прогрессивной" моде, старались осмыслить русские исторические процессы не с русской, а с европейской точки зрения.

(Продолжение на 6-й стр.)

СВЯТО-СЕРАФИМОВСКИЙ ФОНД

322 Вест 108 улица, Нью Йорк

РУССКАЯ ШКОЛА

ЗАНЯТИЯ ПО СУББОТАМ

от 10 часов утра до 2 часов дня

Предметы:

Закон Божий, Русский язык, История и География России и пенне

МОЛЕБЕН

о начале занятий

В СУББОТУ 3 ОКТЯБРЯ в 10 часов утра

Справки по телефону 663-9093

И СМЕХ И СЛЕЗЫ

(Перенос со 2-ой страницы)

Ближайшее будущее, видимо, покажет конкретные формы той "координации" политики США и Израиля, ради которой и прибыла в Вашингтон для "срочных консультаций" Голда Меир. Но уже сегодня многие наблюдатели обоснованно указывают, что, поощряя экспансионистские устремления израильских экстремистов, Соединенные Штаты не только предадут забвению свои собственные декларации о стремлении к мирному урегулированию на Ближнем Востоке, но и опасным образом содействуют Тель-Авиву в деле саботажа миссии Ярринга.

Томас Колесниченко.

«Израиль» 18 сентября 1970 г.

О том, каково действительное соотношение сил, а не то, которое изображает передовая статья "Нью Йорк Таймс", дает никто иной, как упоминаемый в статье советского автора Ю. Гварильо, американский журналист Ц. Сольдбергер (он же Суальбергер) в статье, помещенной в "Нью Йорк Таймс" от 18 сентября:

"Огромная дистанция разделяет позиции премьер-министра Меир и Президента Никсона тогда, когда они встретятся в Белом Доме. Г-жа Меир ведет переговоры о существовании Израиля. Она думает только о самом Израиле, его настоящем и будущем. Принимающий ее рассматривает проблему во всем стратегическом аспекте, о солидарности обязательств Соединенных Штатов и прежде всего об американских отношениях с Советским Союзом... В то время, как США хотят, чтобы Израиль был достаточно сильным, они не могут заставить арабов подписать какое либо формальное соглашение. По основному вопросу — угрозе США "ретрибуцией" в случае прямой интервенции СССР, если периметр будет аннулирован, здесь очень мало чистого оптимизма. Американские настроения, очевидно, против какого либо сорта "ретрибуции", которая имела бы смысл возмездия. Если ничто другое, то неспособность Вашингтона действовать активно во время угона арабскими партизанами авиалайнеров, подтверждает это. Пустая угроза "ретрибуцией" и очевидный риск эскалации войны на Ближнем Востоке являются последним козырем США. На дипломатическом поле Никсон испробовал все средства, чтобы выйти из тупика. Он передает Советскому Союзу, что нет надежды на подписание договора об ограничении вооружений, если СССР нарушает региональное соглашение на Ближнем Востоке. Он будет просить маршала Тито поддаться на мировую. Но объективные обстоятельства неблагоприятны. Мы не претендуем на то, чтобы знать, что скрывается в советской голове. Это — предмет глубокого беспокойства для нас, но для Израиля это может стать предметом отчаяния".

Нью Йорк, 25 сентября 1970 года.